

гость «Московской правды»

Валерий ПРИЕМЫХОВ:

«Поймать свое время»

Созданные актером Валерием Приемыховым образы сильного человека, в одиночку бросающего вызов судьбе и собственными силами добивающегося победы, до перестроечного времени были непривычны и нетипичны среди героев советского киноискусства, прославлявшего, как правило, силу коллектива. Многие читатели, открывшие для себя этого яркого артиста после выхода на экран фильма «Холодное лето пятьдесят третьего...», интересуются творческим путем актера, его сегодняшним днем и планами на будущее.

— Валерий Михайлович, вы актер, режиссер, сценарист. Какая из профессий «забрала» вас больше всего?

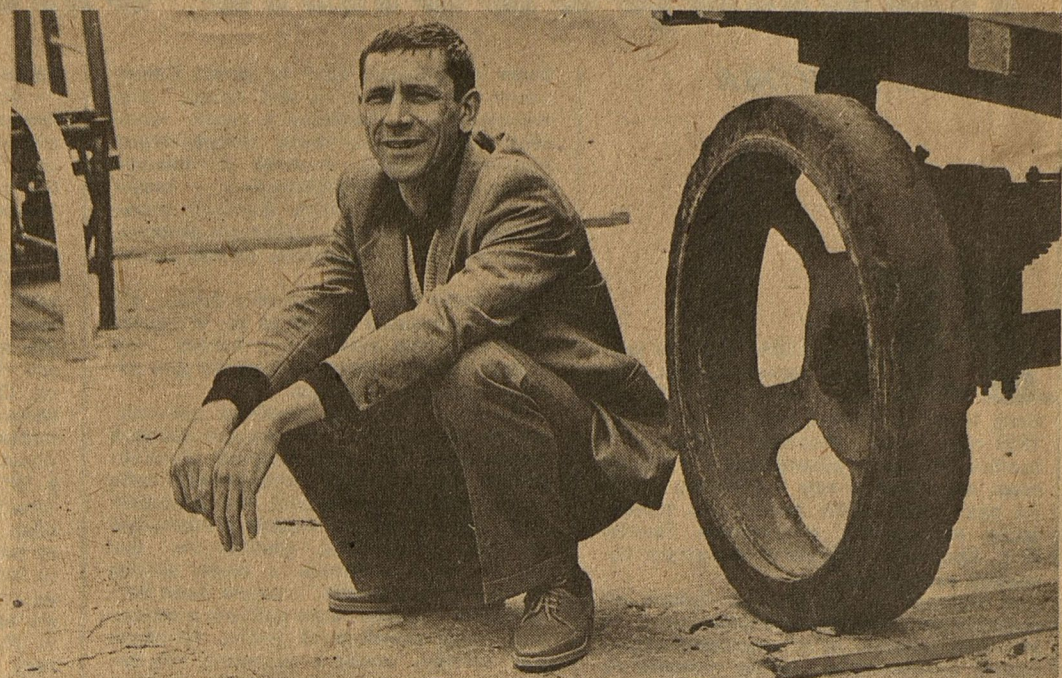
— Вообще больше всего я себя чувствую сценаристом, хотя начинал как актер. На Дальнем Востоке, где родился, окончил институт искусств, работал в театре. Потом была учеба во ВГИКе на сценарном факультете, работа на студии «Ленфильм». В Ленинграде произошла перевернувшая мою жизнь встреча с Динарой Асановой. В то время она была уже признанным мастером, создавшим замечательные картины. Обладая хорошим опытом работы с людьми, она, видимо, почувствовала, что из меня может что-то выйти и пригласила сняться в ее картине. Мой актерский дебют состоялся в фильме «Жена ушла». Так началась наша совместная работа в кино.

— Вы уверенно вошли в число популярных актеров после фильмов «Пацаны», «Холодное лето пятьдесят третьего...» и доказали вашими работами, что личность, столь типичная для американских картин, может и на отечественном экране выполнять воспитательную функцию. Кстати, в связи с этим — ваше отношение к американским фильмам, которые в последнее время буквально захлестнули наши кинотеатры.

— Несмотря на карнавал лент, поражающих воображение, американское кино охвачено кризисом бездуховности. Можно снять шляпу перед космической кинотехникой американцев, но мелкотемье, все эти «захваты души», погоня за сотрясанием нервов зрителя и, соответственно, за его кошелем любыми средствами — надежное свидетельство наступающего упадка. Вот откуда у американских кинематографистов такой интерес к России или, скажем, к Индии... Казалось бы, нищие страны — что до них Америке? Но именно здесь они хотят компенсировать потерю духовности в собственном киноискусстве. И хоть сама по себе нищета страшна — еще страшнее утрата духовных идеалов. Парадоксально, но пресыщенное общество Америки утрачивает самую главную общественную ценность — культуру духовного потребления. В результате возникает разрушение ряда социально-нравственных идеалов в угоду коммерческой выгоде.

— А у нас, вы считаете, все по-другому?

— У нас все-таки несколько иначе. Хотя подобная опасность нам тоже грозит. Но наш актер богаче духовно. Русская литература дала такие плоды духовного возвышения, что вскормленный ею актер может такое, что просто недоступно американской киношколе. Недаром в известном анекдоте американский кинотрагик на вопрос, какие артисты в мире самые гениальные, отвечает — русские, потому что никто в мире не в состоянии убедительно произносить на сцене такую чушь, какую их заставляют. И это святая правда, мы часто видим в плохих фильмах замечательные актерские работы. И знаете, это ведь подвиг мастеров образа, который, как правило, остается никем не оцененным. Сыграть роль бродяги в ленте про адский поезд, снятой А. Михалковым-Кончаловским, намного легче, чем создать образ запоминающегося

простого парня с завода на фоне наших серых будней. А ведь сколько советских актеров достигли этого, начиная с Петра Алейникова!

— Но ваш зек, отчаянно расправляющийся с кучей матерых уголовников в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего», разве не сродни лихим парням с адского поезда?

— Такой фильм, как «Холодное лето...», отразил время. Он должен был бы выйти и выиграл бы больше в 1965 году. Очень важно, когда произведение точно угадывает главные штрихи эпохи, для которой он «эх», что ли... И случай в таежной глуши сфокусировал в клеточке жизни общественную трагедию огромной страны так, как бываю отражены в капле могучие законы моря. Пожалуй, в этом разница между героизмом нашего зека, за которым огромная беда народа, и американским парнем, защищающим личные амбиции. Здесь трудно говорить, что ближе к правде. Ведь на все смотришь своими глазами. Наша сила в том, что бы на каждом историческом перекрестке находить героев своего времени.

Помните, были признанные столпы литературы — Паустовский, Леонов, Эренбург... И вдруг появляются никому не известные Аксенов, Гладilin, и свежая струя новой прозы резко врывается в литературу. Спрашивается: что они писать стали лучше тех признанных мастеров? Ничего подобного, может, писали они и хуже. Но им удалось так «поймать время», его героя, что внимание общества сразу переключилось на них. Так вот, сегодня «поймать наше время» пока никому не удается. И сегодняшний герой у нас отсутствует. Объяснить это можно тем, что в общественной жизни, как мне кажется, у нас нет личностей, способных добиться успеха, так ожидаемой народом.

В самом деле — где искать авторитеты дня? Искусству нужен лидер, способный увлечь людей успехом своих дел... Особенно трудно найти его сейчас, когда народ, угнетенный конвейером бесконечных неурядиц, устал ждать обещанное добро. Показ же всех этих инвальных проституток, люберов и рэкетиров может оказаться ловушкой, смещением важных тем в сторону кассовости. В результате возникнет духовный коллапс, переживаемый сегодня в американском кинематографе. Уверен, если эпоха не опаздывает с героем своего времени — отпадает необходимость коммерциализации произведений за счет «клубнички», жареных фактов и других субкультурных явлений общественной жизни. Не знаю, как другие, но я такого героя пока не нахожу...

Герой сегодня — сам народ. Это я утверждаю наперекор моим критикам, упрекающим меня в пристрастии к герою-индивидуалисту. Но при этом я против массового воспитания и коллективного воздействия на людей. Не нужно постоянно бо-

роться с чем-нибудь и за что-нибудь, как это у нас обычно делается. Всегда и везде я призываю — молодежь сама найдет свой путь, только не мешайте ей в этом поиске. И, наоборот, будьте поступать наперекор, если поставить на дороге ее увлеченный так называемое общественное мнение. Между прочим это хорошо понимала Динара Асанова, работая в кино над молодежной тематикой. Идею эту она провела в фильме «Пацаны».

— Фильм «Пацаны» в какой-то степени повторяет фабулу картины «Путевка в жизнь», ставшей классикой в истории советского киноискусства...

— Во время съемок ни Д. Асанова, ни Ю. Клепиков, ни я не задумывались о существовании аналогии. На съемочной площадке просто некогда предаваться умозаключениям. Сложно, когда партнеры — молодые парни, да еще объединенные в непрофессиональную массовку. Любой актер знает, как трудно бывает сниматься с массовой. А если к тому же она состоит из отпетых сорванцов, ни разу до того не стоявших перед объективом камеры? Их непосредственная реакция на мои действия была гораздо экспрессивнее самой точной режиссуры! Оказалось, сила убеждения действует на них больше культа силы. Стоило допустить малейшую оплошность — и сразу на лицах ухмылки! Так что считайте, если роль и получилась — целиком обязан этим страху перед критическим отношением юных свидетелей моих сомнений и мучительного поиска правдивости в актерской работе.

— Валерий Михайлович, вы не жалеете, что замкнулись на кино, не играете в театре, где легко найти непосредственный контакт со зрительным залом?

— Да, я уже поглощен кино, его индустрией, разрывом во времени и в действии. Съемочная площадка заменила для меня сцену в театре. Но в актерском труде очень помогает моя подготовка сценариста. Работая над ролью, я внутренне выстраиваю для себя ее сценарий, и это создает своеобразную логику образа, помогает в актерской подаче избежать ошибок, экономит время рабочего цикла. Советовал бы всем актерам изучить для себя основы сценарного мастерства. Ну, и, кроме того, я все же режиссер кино. Правда, самостоятельных картин пока еще немного. Но время и голова заняты в основном их постановкой.

Сейчас я готовлюсь снять очень трудную и социально сложную картину. Тема — типичное для нашего времени явление: вечная миграция людей. Ведь так получилось — мы превратились в кочевой народ, нас давно лишили чувства оседлости. Удивительно, в мире нет страны, где была бы так развита привязанность к родной земле, как у нас, и в то же время мы живем у себя дома без своего угла, на ветру, что ли! Этот фильм будет о прищипанных в Москве. Не будем называть их, несчастных, не по своей воле ставших законными бродя-

гами, «лимитчиками» или «бомжами», — все это звучит оскорбительно для человека.

Мои будущие герои — девушка, пережившая ужас Чернобыля, и простой деревенский парень, приехавший в Москву на работу. Мигранты — они, как перекати-поле, постоянно движутся по огромной стране в поисках доли и нигде не могут обрести ее. И конечно, венец их чаяний — Москва. Сюда, в советский Вавилон, стекаются люди самых пестрых судеб. Им кажется, жизнь кругом неполноценна — только в Москве они найдут то настоящее, что должно существовать! Я сам, провинциал, прошел этот призрачный лабиринт московского ожидания, и знаю, чего стоит разочарование тех, кто преодолел столько трудностей, прежде чем попасть в этот город. Так что тема Москвы в картине будет тесно переплетаться с темой горькой судьбы современников.

— И какой же мы увидим Москву в фильме?

— Городом обманутых надежд. В Москве больше нет привычного для этого города гостеприимства. Помню, бабушка в детстве мне говорила — в Петербурге придешь во время обеда — тебе скажут: подождите; в Москве — посадят за стол. Так было! Теперь этого не увидишь, как не увидишь Москву, воспетую Булгаковым и Окуджавой. В поисках нужной природы я сейчас подолгу брожу по городу. Сердце кровью обливается от безнадежности и тоски за то, что открывается взору. Но все это фон, на котором будет разворачиваться действие драмы, где миграция, как состояние души, создает у героев ощущение неполноценности. Получается — им, кроме Москвы, и ехать-то, в общем, некуда. Я понял лейтмотив будущей картины, разговаривая с жителями одной белорусской деревни, страдающими от болезни после Чернобыля. «Почему не уезжаете отсюда?», — спросил у них. И в ответ услышал: «Куда мы поедим, где нас ждут?». Вы понимаете, какая у этих людей обреченность? Они сознают: их удел — вымирание на этом проклятом месте и покорно ждут своей судьбы, потому что ехать действительно некуда!

Нет, Москва не может оставаться больше единственным городом-панатеей на всю страну. Как в любом цивилизованном государстве, каждый город должен быть самостоятельным и полноценным. Почему тот же Владивосток должен уступать Москве? Чем он хуже? Да и Москве будет намного легче, если городской уровень по всему Союзу будет одинаков и социально, и экономически. Сейчас это начали понимать, если судить по диспутам на сессиях, к этому начинают понемногу стремиться. Мой фильм, если он только получится, как я его чувствую и вижу, должен оказать помощь Москве в этом важном деле!

Беседу вел
Э. КОТЛЯР.